

07239467

На правах рукописи

КРУЖИНОВ Валерий Михайлович

**ПОЛИТИЧЕСКИЕ КОНФЛИКТЫ
В ПЕРВОЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ
(НА МАТЕРИАЛАХ УРАЛА)**

07.00.02 — отечественная история

**Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук**

Тюмень 2001

Диссертация выполнена на кафедре отечественной истории
Тюменского государственного университета

Научный консультант: доктор исторических наук,
профессор **Е. Б. Заболотный**

**Официальные
оппоненты:** доктор исторических наук,
профессор **А. А. Чернобаев**

доктор исторических наук,
профессор **С. П. Постников**

доктор исторических наук,
профессор **В. Д. Камынин**

Ведущая организация: Государственный университет
управления (г. Москва)

Защита состоится « 2 » исебря 2001 г. в 10
часов на заседании диссертационного совета Д.212.274.04 по за-
щите диссертаций на соискание ученой степени доктора истори-
ческих наук в Тюменском государственном университете по ад-
ресу: 625003, г. Тюмень, ул. Перекопская, 15а, ауд. 215.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Тюменс-
кого государственного университета

Автореферат разослан « 1 » исебря 2001 г.

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
КФУ

0000975562

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат исторических наук,
доцент

В. П. Петрова В. П. Петрова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность и научная значимость темы. Конфликтные противостояния и противоборства в политической сфере стали привычным явлением в современной России. Они проявляются в стремлении субъектов политики реализовать свои цели и интересы в системе властных отношений, резких скачках в настроениях и поведении больших масс людей, протекают в латентных и открытых формах, носят локальный и общий характер. Все это выдвигает проблему политических конфликтов в число актуальных и научно-значимых и предполагает изучение всех конфликтогенных факторов, связанных как с внутренней логикой развития социально-политических явлений, так и с особенностями исторического опыта и устойчивых традиций отечественного политического процесса.

Помимо ассоциаций с современностью, проблема политических конфликтов имеет непосредственное отношение к пониманию исторического прошлого. Обращение к ней позволяет описать сценарий развития противоречий в обществе как реальную борьбу реальных политических субъектов, раскрыть механизм их взаимодействия, оценить влияние субъективных и объективных факторов и условий на политическую жизнь, выделить в ней конструктивные и деструктивные доминанты и на этой основе дать обоснованную оценку тенденциям, фактам и действующим лицам исторического процесса.

Исследование конфликтов в сфере политики особенно важно для понимания переломных этапов в истории России, характеризующихся хаотическим состоянием дезинтегрированного общества, ожесточенным противостоянием политических сил. В первое советское десятилетие действие этих факторов усугублялось противоречивостью и конфликтогенностью событий октября 1917 г. и последовавшей вслед за ними коренной ломкой всех сторон жизни российского общества. В политических коллизиях тех лет низвергались не только противники, но и участники большевистской революции, складывались представления о путях и методах решения ее задач, а сама она, пережив полосу острейших кризисов, эволюционировала к сталинскому авторитаризму и тоталитаризму.

К этим проблемам обращались многие отечественные и зарубежные исследователи. Однако, фиксируя внимание на конф-

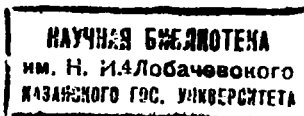
ликтах в сфере политики, они обычно рассматривали их сквозь призму высшей политической элиты страны и почти не касались правящих групп среднего и нижнего уровней. Вне поля зрения историков остаются рядовые участники конфликтов, общественные «низы», российская провинция.

Такой подход, возможно, неизбежный на первых этапах разработки проблемы и при описании отдельных конфронтационных ситуаций, не объясняет, однако, специфику развития конфликта и поведения его субъектов на разных направлениях политического пространства, вертикальном («верхи»-«низы») и горизонтальном (центр – провинция), и сводит противоборства в политике к битве партийных вождей за властные полномочия, в которой остальные участники политического процесса, если и присутствуют, то в качестве созерцателей.

Более широкий взгляд на проблему поможет исследовать ее в сравнительном аспекте, с учетом ландшафтов политического поведения и особенностей политической конфронтации в локальных обществах, полнее раскрыть природу, динамику и последствия конфликтов в сфере политики, выявить глубинные стороны и причины перерождения послеоктябрьской революционной диктатуры.

Выбор диссертационной темы автор связывает с появлением и утверждением новых тенденций в отечественной исторической науке. Ее современное состояние отличается стремлением определить наиболее важные направления исследования, фиксацией внимания на вопросах, не получивших цельного освещения или требующих концептуального переосмысления, отказом от рассмотрения проблем лишь в рамках марксистской парадигмы, утверждением новых методологических подходов. Наличие дискуссионных точек зрения на политические отношения в условиях формирования и функционирования монопартийной диктатуры в Советской России убеждает в необходимости и перспективности дальнейшей разработки данной проблематики.

Объектом исследования выступают участники политического процесса первого десятилетия советской власти на Урале, представленные региональными организациями действовавших здесь партий, фракционными и групповыми образованиями в их структурах, а на стадии формирования последних и отдельными индивидуумами.

Предметом исследования являются политические конфликты, т.е. столкновения субъектов политики в их взаимном стремлении реализовать свои интересы и цели, связанные прежде всего с достижением власти или ее перераспределением, а также изменением их политического статуса в обществе. Автор отделяет политический конфликт от военного, вооруженной борьбы (гражданская война, восстание и т.п.), которые хотя и имеют политическую природу, но подчиняются особым законам, в том числе военнотехническим, и по форме развития и разрешения обычно выводят исследователя за рамки собственно политического поля.

Хронологические рамки охватывают период с октября 1917 до конца 1927 г. Выбор начальной даты исследования обусловлен крутым поворотом в российской истории – взрывом политической конфронтации, вызванным приходом к власти большевистской партии, ее отказом от послефевральского политического и идеологического плюрализма и началом крайне болезненной, а для части населения насильственной трансформации в посткапиталистическое общество.

Конечная грань диссертационной работы связана с подавлением последнего открытого политического конфликта в большевистской России, в котором сталинскому бюрократическому аппарату противостояла объединенная оппозиция. К этому времени в основном завершилось формирование режима, исключавшего саму возможность легального и организованного выступления его противников, отесненных на периферию поля политики (или вытесненных из него полностью) и уже не поднимавшихся выше вершущих закулисных комбинаций в борьбе со сталинским авторитаризмом.

Территориальные рамки. Исследование ведется в рамках Уральского региона, включавшего в 1917 г. Вятскую, Пермскую, Тобольскую (с апреля 1918 г. – Тюменскую), Уфимскую и Оренбургскую губернии. На протяжении рассматриваемого периода это административно-территориальное деление подвергалось неоднократным изменениям. В 1919 г. из состава Пермской была выделена Екатеринбургская, а из Оренбургской – Челябинская губернии. В 1923 г. эти территории, за исключением Уфимской губернии, с некоторыми изменениями вошли в Уральскую область с центром в Екатеринбурге. Являясь одним из главных эко-

номических районов России, Урал представлял широкий спектр ее политических сил, аккумулировал все драматические конфликты 1917-1927 гг. С другой стороны, он отличался комплексом исторических, хозяйственных и социальных особенностей. В совокупности это дает возможность достаточно полно реконструировать картину политических противоборств в стране в первое десятилетие советской власти, а также проследить специфику их проявлений в российских регионах.

Цель и задачи исследования. Главная цель исследования состоит в изучении генезиса политических конфликтов в первое десятилетие советской власти, условий их возникновения, технологии развития, воздействия на складывающиеся в обществе процессы и отношения.

Исходя из этой цели, автор ставит следующие основные задачи:

— провести всесторонний анализ историографии проблемы, указать на нерешенные и дискуссионные вопросы, высказать по ним свое мнение, дать характеристику источников и методику их изучения;

— исследовать природу и источники социально-политической напряженности как основания для структурирования несовместимых представлений и конфликтного процесса в сфере политики;

— изучить процесс формирования конфликтующих групп, их состав, структуру, политические ориентиры, методы и приемы борьбы за статус и реальные позиции в системе власти и мобилизацию сторонников;

— проанализировать позиции субъектов политических конфликтов по основным вопросам внутренней и внешней политики государства и жизни региона, выделить рациональное и иррациональное в их предложениях и платформах;

— раскрыть механизм и особенности конфликтного взаимодействия в системе межпартийных и внутрипартийных отношений, на высших, средних и нижних этажах властной пирамиды, между политическими лидерами конфликтующих групп, а также рядовыми участниками этих объединений;

— выявить соотношение сил на разных стадиях развития конфликтов в сфере политики, причины поражения одних субъектов конфликтного взаимодействия и победы других;

— исследовать эволюцию политических конфликтов в условиях формирования и функционирования монопартийной диктатуры, перехода от ленинской системы власти к сталинской, от олигархического политического режима к авторитарному;

— раскрыть общее и особенное в динамике политических конфликтов в специфических условиях Уральского региона;

— определить воздействие исследуемых событий на социально-экономические и политические процессы в стране и на Урале;

— на основе исследования сделать научно обоснованные выводы и сформулировать предложения научно-теоретического характера и практические рекомендации.

Методология исследования. Одним из ведущих методологических принципов для автора диссертации является историзм. Применительно к исследованию истории политических конфликтов его использование предполагает выяснение причин их возникновения, динамики развития в связи с изменением общей обстановки и внутреннего содержания, места и роли политических противостояний и противоборств в жизни общества. Принцип историзма неразрывно связан с объективностью исторического исследования, которая нацеливает историка видеть за субъективными поворотами и зигзагами в политике, оценками и высказываниями политических лидеров требования объективной реальности. Анализ истории политических конфликтов с этих позиций предполагает, с одной стороны, изучение объективных закономерностей, определяющих зарождение и динамику конфликтного процесса, а с другой – исследование этого феномена с учетом его многогранности и внутренней противоречивости.

Одновременно учитывалось, что история общества, присутствующих ему стадий и периодов трансформаций предстает как процесс и результат человеческой деятельности, в котором органически переплетаются материальные и идеальные факторы, что политический конфликт представляет собой не просто противоречие, возникшее между определенными субъектами, а такое противоречие, которое так или иначе осознанно и оценено.

Исследуя политические конфликты в Советской России, автор опирался на принцип всесторонности, реализация которого потребовала использования полной и достоверной информации, а также выводов и обобщений, затрагивающих философские, социологические и политологические аспекты.

Важное значение имело использование таких общенаучных методов исследования, как системный, классификации и типологии, статистический и др., а также специальных исторических методов и приемов – проблемно-хронологического, сравнительно-исторического, синхронного и др.

В диссертации характеризуются основные концептуальные подходы к описанию конфликтов, в том числе политических: 1) функционализм (Г. Спенсер, Э. Дюркгейм, Т. Парсонс) – рассматривает конфликты как «аномалии», вызванные нарушением внутренней гармонии и ведущие к дезорганизации общества; 2) теория конфликта (К. Маркс, Р. Дарендорф) – конфликт закономерен в силу неизбежного различия интересов; 3) конфликтный функционализм (Г. Зиммель, Л. Козер) – конфликт как неотъемлемая характеристика общества не противоречит задаче обеспечения его стабильности и несет с собой не только деструктивное, но и конструктивное начало.

Анализ конкретно-исторического материала привел автора к выводу, что проблема политических конфликтов носит комплексный характер и предполагает использование разнообразных методологических концепций, каждая из которых способна открыть определенные грани данного феномена.

Научная новизна диссертации заключается в следующем:

1. Впервые комплексно, с применением современных методологических подходов и на широком общероссийском фоне исследуется крупная научная проблема – история политических конфликтов в первое десятилетие советской власти на Урале, анализируются условия их возникновения, эволюция и воздействие на общество. В российской историографии подобных комплексных исследований политических конфликтов в специфических условиях локального общества не проводилось.

2. Впервые на материалах крупнейшего региона детально проанализированы все основные политические конфликты первых месяцев советской власти, периода военного коммунизма и новой экономической политики, их трансформация в условиях формирования и функционирования монопартийной диктатуры, перехода от ленинской системы власти к сталинской, от олигархического политического режима к авторитарному, структурирование конфликтующих групп в системе межпартийных и внутрипартийных отношений, воздействие объективных и субъективных факторов

на конфликтный процесс, функциональная роль политических конфликтов, их содержательно-предметные слагаемые, соотношение сил на разных этапах политической конфронтации, постконфликтные взаимоотношения между победителями и побежденными, репрессии против участников поверженных групп. Проведенное исследование позволило восстановить целостную картину развития политических отношений на Урале в период 1917-1927 гг.

3. В отличие от предшественников, исследовавших проблему почти исключительно сквозь призму высшей политической элиты Советской России, автор акцентирует внимание на средних и нижних уровнях пирамиды власти и рядовых участниках конфликтов. Это позволило проанализировать малоизученные аспекты темы: состав и «распределение ролей» внутри конфликтующих групп, механизм воздействия политических лидеров на «низы» этих объединений, роль срединных этажей как связующего звена между ними, практические действия противоборствующих сторон по мобилизации сторонников на борьбу за достижение власти или ее перераспределение, особенности политического поведения рядовых участников конфликтов.

4. Фактически впервые исследуются разные подходы участников политического процесса в России к трактовке лозунга однородного социалистического правительства и аналогичных структур власти на местах, попытки их создания в российской провинции осенью 1917 г., реакция различных слоев общества на разрыв переговоров в Бресте, военная оппозиция на Восточном фронте, дискуссия о «верхах» и «низах», механизм зарождения «рабочей оппозиции» в провинции, эволюция политического режима и репрессии против «троцкистов» после X съезда РКП(б), разногласия в «тройке» в период дискуссии конца 1923 – начала 1924 гг., противостояние в региональных комсомольских организациях в связи с конфликтом между сторонниками «большинства» и «меньшинства» в ЦК РЛКСМ.

5. В диссертации уточняются или даются новые оценки событиям и явлениям политической жизни в первое десятилетие советской власти: корректируются выводы предшественников о взглядах большевиков на однопартийное (чисто большевистское) государство и причинах неудачных попыток сформировать однородное социалистическое правительство и аналогичные органы власти на местах; вносятся новые моменты в трактовку програм-

мы «революционной войны», тактики ленинцев в период Бреста, последствий Брестского договора; переосмысливается позиция левых эсеров по вопросам аграрной политики весной 1918 г.; предлагается иная, отличная от традиционной, оценка решений VIII съезда РКП(б) по военному вопросу. В отличие от многих исследователей, интерпретирующих конфликты в большевистской партии в контексте противоборства демократической и военно-бюрократической тенденций, автор акцентирует внимание на ограниченном характере предложений большевистских реформаторов, их непоследовательности и связывает причины внутрипартийных конфликтов в первую очередь с реакцией революционаризма против действительного хода русской революции, против тактики непрерывного лавирования и маневрирования, которая навязывалась большевикам неумолимыми реалиями жизни.

6. В работе подвергнута критическому анализу историческая литература по проблеме, определяется круг вопросов, нуждающихся в исследовании. В источниковедческом плане новизна диссертации заключается в вовлечении в научный оборот значительного массива не использовавшихся ранее документов.

Научно-практическая значимость диссертации состоит в том, что ее результаты могут быть использованы в научной работе (подготовка обобщающих трудов, посвященных политической истории России и истории Урала), в учебном процессе (подготовка соответствующих разделов лекционных курсов и семинаров по данной проблематике). Методология исследования может быть использована для изучения политических процессов в первое десятилетие советской власти в других регионах России. Уроки и практика политических конфликтов первого десятилетия советской власти заслуживают внимания действующих политиков и других участников современного политического процесса, а также конфликтологов.

Апробация работы. По теме диссертации автор выступал с научными докладами и сообщениями на 16 международных, всероссийских (всесоюзных), региональных и иных научных конференциях в Екатеринбурге, Омске, Санкт-Петербурге, Тобольске, Томске, Тюмени. Содержание диссертации отражено в двух монографиях (в том числе, одной коллективной), статьях, тезисах докладов и выступлениях общим объемом более 50 п.л. Материалы диссертации использовались автором при подготовке «Очер-

ков истории Тюменской области» (Тюмень, 1994), двух сборников документов, «Энциклопедии Тюменской области» (готовится к печати) и других изданий. Положения исследования апробированы в специальном курсе по истории политических конфликтов в Советской России, а также лекционных курсах по отечественной истории и истории Тюменского края, которые читаются автором на факультете истории и политических наук ТюмГУ.

СТРУКТУРА И ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Диссертация состоит из введения, пяти глав, заключения, списка использованных источников и литературы.

Во введении обосновываются актуальность и научная значимость темы, ее хронологические и территориальные рамки, определяются объект и предмет исследования, даются пояснения по терминологии, формулируются цель и задачи работы, характеризуются методологические принципы, основные концепции конфликта и специфика их использования в диссертации.

В первой главе — «Историография и источники» — рассматриваются основные этапы и современное состояние научной разработки темы, ее источниковая база.

Предлагаемая периодизация изучения истории политических конфликтов первого послеоктябрьского десятилетия включает следующие основные периоды: октябрь 1917 — конец 1920-х гг.; конец 1920-х — середина 1950-х гг.; середина 1950-х — середина 1980-х гг.; середина 1980-х гг. — по настоящее время. Автор анализирует отечественные исследования, выполненные на общероссийском и региональном материале, а также работы зарубежных историков.

Некоторые историки считают, что первым исследователем политических конфликтов в Советской России был В. И. Ленин. На первый взгляд, для такого утверждения имеются веские основания: только в Полном собрании сочинений В. И. Ленина содержится множество работ, непосредственно относящихся к данной проблематике. В. И. Ленин также сформулировал некоторые исследовательские приемы, указав, в частности, на необходимость обращения к документам оппонентов власти.

Однако утверждать на этом основании, будто именно с ленинских публикаций начинается профессиональная разработка

данных сюжетов в исторической науке, думается, нельзя. Во-первых, В. И. Ленин исследовал их не как историк, а как практик, стремившийся в своих выводах политически обобщить исторический опыт и не преследовавший задач историко-профессионального анализа. Во-вторых, обозначив отдельные принципы исследования, он не распространял их на тех участников политических конфликтов, которые открыто выступали с антибольшевистских позиций и в борьбе с которыми большевики широко применяли репрессивные меры. В-третьих, в условиях постоянно ужесточавшегося политического режима, запрещения документов, исходящих от его противников, выдвинутые В. И. Лениным положения так и не были реализованы.

Параллельно начинается осмысление проблемы за рубежом, особенно в среде эмигрантов-меньшевиков. Почти все они признавали, что однопартийная политическая система в Советской России сложилась на основе террористического подавления конкурентов большевизма, «ломки хребтов и голов инакомыслящих» (выражение Ст. Ивановича). Аналогичные подходы использовались и при характеристике конфликтов в РКП(б)-ВКП(б), которым меньшевистские аналитики Р. А. Абрамович, Д. Ю. Далин, Ф. И. Дан и др. уделили наибольшее внимание. Отправным пунктом их интерпретации фракционной борьбы в большевистской партии является тезис о неподготовленности России к социализму и неизбежном перерождении советского политического режима в бонапартистский, а большевизма — в термидорианство. В этом контексте «рабочая оппозиция», «троцкизм» рассматривались как крайне левое крыло большевистского яacobинства, сохранявшее верность «коммунистическому утопизму» и сопротивлявшееся наступлению «правых». К оценке политических конфликтов в большевистской партии сквозь призму термидора обращались и идеологи сменовеховства, в частности, Н. В. Устрялов.

С иных позиций рассматривались внутрипартийные конфликты в России. Типичные черты изданных в это время работ — выборочное использование документальных источников, главным образом обличающих оппонентов власти, тенденциозная трактовка произведений лидеров политической оппозиции, почти полное отсутствие региональных материалов, нарастающая агрессивность.

Основной тезис этих публикаций сводился к отрицанию у всех существовавших оппозиций положительной программы, а их глав-

ная целевая установка — сформировать и закрепить в общественном сознании образ «фракционера», угрожающего единству партии и потрясающего устои диктатуры пролетариата.

В середине и во второй половине 1920-х гг. несколько работ такого рода появилось на Урале. А. Чащихин затронул вопрос об отношении уральских рабочих-железнодорожников к дискуссии о профсоюзах, Б. Васильев обратился к борьбе с «троцкистской» оппозицией в конце 1923 – начале 1924 г. в Челябинске, автор, выступивший под псевдонимом «Партиец», показал деятельность «троцкистского» подполья в крае после XV съезда ВКП(б). Некоторые эпизоды из истории политических конфликтов в большевистских организациях приводились в статьях С. С. Моисеева, М. Н. Эссен и др. Пополнив поток «разоблачительной» литературы региональным колоритом, эти работы одновременно породили ряд мифов, оказавших существенное влияние на последующую историографию.

В то же время, пока в большевистской партии существовали разные фракции, а лидеры внутрипартийных группировок занимали высокие посты в партийно-государственной иерархии, односторонняя интерпретация фактов и обвинительная тональность соседствовали с элементами полемики, а сама оппозиция рассматривалась как одно из течений в рядах большевиков, хотя и глубоко ошибочное. В некоторых работах признавалось, что отдельные оппозиционные группировки, в том числе на Урале, имели широкий круг сторонников. Наряду с декларациями о безоговорочной поддержке «генеральной линии» партии массами рабочих и крестьян, отдельные авторы (А. Чащихин) высказывали и противоположное мнение. Тем не менее подобные отступления от официальных установок носили частный характер и не меняли общей направленности публикаций, ни в одной из которых даже не был поставлен вопрос о признании политических конфликтов естественным элементом мира политики.

В этом же ключе рассматривалось взаимодействие большевиков и политических сил, не входивших в структуры и институты власти. В русле таких подходов освещение межпартийных конфликтов подменялось «разоблачением» «контрреволюционных» партий и политических течений, противостоящих большевикам в первые годы советской власти. В этом контексте вряд ли можно согласиться с мнением И. В. Нарского, писавшего об «обаянии»

работ 1920-х гг. по проблематике политических партий на Урале и желании их авторов «ничего не предлагать и не предполагать, а излагать». В действительности анализ этих публикаций вынуждает сделать противоположное заключение: стремление их авторов «предлагать и предполагать» намного доминировало над изложением фактов и событий, тщательно отобранных и почти всегда соответствующих официальным директивам.

На рубеже 1920-х-1930-х гг. исследование проблемы вступает в новую фазу, связанную с утверждением сталинской концепции истории политических конфликтов, в основе которой лежало отождествление внутривнутрипартийных оппозиций с контрреволюцией. На этом этапе почти прекращается разработка проблемы на материалах Урала. Хотя в послевоенные годы интерес уральских историков к политическим конфликтам первого десятилетия советской власти несколько возрос, это не сказалось на общих подходах к теме, трактовка которой неизменно сводилась к борьбе «верных ленинцев» против «врагов народа» и «предателей». В этих работах почти не использовались архивные источники и тем более произведения и выступления лидеров и участников оппозиционных группировок, доступ исследователям к которым был закрыт.

В целом уровень освещения политических конфликтов в работах конца 1920-х-середины 1950-х гг. оказался даже ниже, чем в литературе предшествовавшего десятилетия.

Положение стало меняться после XX съезда КПСС, когда историки получили возможность работать с более широким кругом архивных документов, заметно возросло количество научных публикаций. В это время активизировалось изучение конфликтов между большевиками и «непролетарскими партиями» в первые годы советской власти (К. В. Гусев, И. С. Капцугович, П. А. Подболотов, Н. В. Рубан, Л. М. Спириин и др.), почти прекратившееся в 1930-1940-е гг. Конфликтам в РСДРП(б)-РКП(б)-ВКП(б) были посвящены работы А. Я. Вяткина, С. Л. Дмитренко, В. М. Иванова, А. Г. Титова, А. Н. Шмелева и других историков. В результате официальная концепция наполнилась многочисленными фактами, а исследователи прикоснулись к вопросам, ранее не рассматривавшимся.

В то же время новые тенденции мало сказались на концептуальных подходах к освещению проблемы. Как и прежде, рабо-

ты историков были пронизаны духом нетерпимости к инакомыслию и не «схватывали» сущность политической конфронтации.

Недостатки данного этапа историографии отразились на публикациях В. П. Иванова, В. М. Куликова, Н. Ф. Плотникова, В. В. Фельдмана и некоторых других исследователей, обращавшихся к отдельным аспектам темы на материалах Урала. Им так и не удалось раскрыть механизм возникновения политических конфликтов в первое десятилетие советской власти, их эволюцию и причины необычайной бескомпромиссности, взгляды оппонентов власти и мотивы, которыми они руководствовались, расстановку сил на основных этапах борьбы, взаимосвязь между политическими конфликтами и трансформацией правящей партии и социально-экономическими процессами и другие вопросы, без решения которых анализ проблемы неизбежно приобретал односторонний характер. Автор данного исследования должен признать, что многие из указанных недостатков присутствовали и в его работах, вышедших в конце 1970-первой половине 1980-х гг. В то же время, пронизанные духом эпохи, они содержали ряд положений, не вписывавшихся в традиционные схемы.

Историю региона в годы революции, гражданской войны и новой экономической политики исследовали А. П. Абрамовский, А. В. Бакунин, О. А. Васьяковский, М. Е. Главацкий, В. А. Данилов, И. Ф. Плотников, В. Г. Чуфаров и др. Высказав важные суждения о характере изменений на Урале, они в то время не акцентировали внимание на механизме взаимодействия власти и оппозиции как элементе политического процесса.

В этих условиях приоритет в разработке проблемы принадлежал западным ученым, особенно Р. Даниелсу, И. Дейчеру, Э. Карру, С. Коэну. Однако в то время их работы оставались недоступными отечественным историкам и рассматривались как «фальсификации».

Первые подвижки во взглядах на политические конфликты послеоктябрьского десятилетия наметились с началом перестройки, когда интересы исследователей сфокусировались на поисках альтернатив в истории Советской России. В этой связи были проанализированы взгляды виднейших оппонентов большевизма и лидеров оппозиционных группировок в правящей партии. Особое внимание историков (Г. А. Бордюгов, И. Е. Горелов, Ю. В. Емельянов и др.) привлекла фигура Н. И. Бухарина, чьи выступления в

защиту нэпа ассоциировались с альтернативой сталинизму. В отличие от них В. З. Роговин связывал единственную серьезную оппозицию И. В. Сталину с именем Л. Д. Троцкого. Ряд исследователей (Д. А. Волкогонов, Г. Л. Олех и др.) высказались против каких-либо альтернатив внутри большевизма.

Существенный вклад в изучение проблемы внесли Н. А. Васецкий, О. В. Волобуев, Е. Г. Гимпельсон, В. В. Демидов, В. В. Журавлев, А. Ф. Киселев, А. В. Панцов, В. И. Старцев, Ю. Г. Фельштинский, А. А. Чернобаев и другие, исследовавшие ее в русле биографического жанра или обратившиеся к отдельным этапам политической конфронтации прежде всего на вершине пирамиды власти. Причем в ходе дискуссии позиции ее участников нередко менялись, а после событий 1991-1993 гг. тенденция к восприятию большевизма как движения, неспособного к самореформированию, усилилась.

В уральской историографии данная позиция представлена в работах А. В. Бакунина, Д. В. Бугрова, Н. Н. Попова, В. В. Москвина. К аналогичным выводам пришел В. Н. Азаров, проанализировавший концептуальные установки вождей коммунистической оппозиции, особенно Л. Д. Троцкого. В этом контексте он, а также С. Н. Стругов, высказали некоторые соображения о тактике противоборствующих сторон, проиллюстрировав их примерами из практики Уралбюро ЦК и Уралобкома РКП(б)-ВКП(б). Отдельные новые моменты внесли в исследование политических конфликтов А. А. Кононенко, Е. Б. Сергеева, А. Б. Суслов, обратившиеся к истории уральских организаций меньшевиков и эсеров.

Важное значение для переосмысления темы имеют работы Д. В. Гаврилова, М. Е. Главацкого, Е. Б. Заболотного, В. Д. Камынина, В. М. Кириллова, И. В. Нарского, И. Ф. Плотникова, Н. Н. Попова, С. П. Постникова, А. И. Прищепы, В. Л. Телицина, А. Т. Тertyшного и других исследователей смежных проблем истории Урала, позволяющие взглянуть на конфликты в политике в более широком контексте жизни региона.

Определенные достижения в разработке проблемы нашли отражение в одной из глав коллективного исследования «Власть и оппозиция. Российский политический процесс XX столетия» (М., 1995), в которой характеризуются основные этапы политической конфронтации в стране, в том числе и на Урале. В то же время за годы, прошедшие после выхода данной работы, раз-

работка поставленных в ней вопросов почти не продвинулась вперед.

Спад интереса к проблеме обусловлен рядом обстоятельств, но не в последнюю очередь воздействием политической обстановки, сложившейся в стране в 1990-е гг. и, как следствие, изменением приоритетов в научных исследованиях, коммерциализацией науки и даже «мазохистской тягой к оплевыванию истории» (выражение С.В. Тютюкина). Один из примеров такого рода – последние работы Ю. Г. Фельштинского, лишаящие конфликты в советском руководстве малейшей политической окраски и сводящие их к обыкновенной уголовщине.

Аналогичная ситуация сложилась и в региональной историографии. Достаточно сказать, что за последнее десятилетие историки Урала не опубликовывали ни одной статьи (за исключением публикаций автора данной работы), специально посвященной истории политических конфликтов 1917–1927 гг.

Вполне понятно, что в этих условиях вне сферы исследовательских интересов остаются такие принципиально важные вопросы как динамика формирования конфликтующих групп в провинции, складывание механизма манипулирования общественным мнением, степень зависимости сознания «низов» от расстановки сил на «верхах», соотношение объективных и субъективных факторов в развитии политических конфликтов в специфических условиях локального общества, судьбы рядовых участников политической конфронтации, воздействие конфликтов в политике на местный политический климат, общее и особенное в динамике политической жизни в конкретно-исторических условиях Урала и многие другие. Некоторые проблемы освещаются упрощенно и нуждаются в более тщательном анализе и развернутой характеристике. Исследователи еще не использовали большой массив исторических источников.

Таким образом, историографический анализ показывает, что разработка истории политических конфликтов первого десятилетия советской власти идет преимущественно по линии изучения отдельных ее частей и фокусируется на высшей политической элите страны. Попытки рассмотреть проблему в более широком контексте, с учетом позиций правящих групп среднего и низшего уровней власти, общественных «низов», взаимодействия цен-

тра и провинции носят единичный характер и сдерживаются отсутствием региональных исследований.

В этой связи анализ конфликтных противоборств в политике на уровне отдельных регионов представляется совершенно необходимым для получения реальной картины жизни российского общества 1917-1927 гг., тем более, что некоторые характерные черты того времени проявились здесь явственнее, чем в столице.

Важность такой работы определяется отсутствием в современной российской и уральской историографии исследований, которые комплексно, с использованием широкого круга источников и достижений отечественной и зарубежной исторической науки, осуществляли анализ политических конфликтов на протяжении первого десятилетия советской власти.

Направленность исследования обусловила выбор источников, которые систематизированы в соответствии с их происхождением и характером содержащейся в них информации.

Важное значение для осмысления стратегии и тактики сил, участвовавших в конфликтах первого десятилетия советской власти, имеют работы и выступления руководителей политических партий России. Среди них – неизвестные исследователям доклады и речи Н. И. Бухарина, Г. Е. Зиновьева, В. В. Куйбышева, В. М. Молотова, Л. Д. Троцкого и др., сделанные во время поездок на Урал и позволяющие осветить новые аспекты деятельности внутрипартийных группировок по мобилизации своих сторонников; произведения видных деятелей «непролетарских партий», особенно тех, кто высказывался по вопросам, поднимавшимся во время конфликтов первых лет советской власти, или участвовал в них, и др. Анализ этих работ позволил не только составить детальное представление о взглядах представителей политической элиты страны на политический процесс, но в ряде эпизодов и внести уточнения в общепринятые оценки и суждения. В отдельных случаях автору удалось реконструировать выступления известных политиков, считавшиеся ранее утраченными.

В работе использованы программные, уставные и директивные документы политических партий и организаций периода 1917-1927 гг., материалы их съездов, конференций и пленумов. Кроме того, автор обращался к опубликованным документам центральных советских профсоюзных и комсомольских органов.

Особое значение для исследования имело привлечение архивных источников, которые можно разделить на несколько групп.

К первой группе относятся документы центральных органов большевистской партии. Среди них обзоры и справки, составленные отделами ЦК, их переписка с руководством уральских организаций. Эти документы содержат информацию о внутривнутрипартийной и общественной жизни края и позволяют проследить механизм воздействия «верхов» партии на ее «низы». Значительный массив таких источников отложился в фондах Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ). В то же время, анализируя эту группу документов, приходилось учитывать, что по мере обособления аппарата партии он постепенно терял способность адекватно оценивать состояние дел в местных организациях, подстраивался под указания, которые шли сверху.

Вторую группу архивных источников составляют материалы, позволяющие проследить влияние политических конфликтов первого десятилетия советской власти на государственные структуры и общественные объединения. В Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ) автором обработаны ответы местных Советов на запрос Совнаркома от 24 февраля 1918 г. о возможности подписания мирного договора с Германией, хранящиеся в фондах СНК (Ф. 130) и ВЦИК (Ф. 1235). В Российском центре хранения документации молодежных организаций (РЦХДМО, ныне материалы этого архива включены в фонды РГАСПИ) изучались стенографические и протокольные записи заседаний ЦК и пленарных заседаний ЦК РКСМ (с июня 1924 г. – РЛКСМ). Полученные сведения позволили проследить воздействие внутривнутрипартийных конфликтов на комсомол. Определенный материал о настроениях в армейской среде выявлен в Российском государственном военном архиве (РГВА).

Широкий круг вопросов, связанных с зарождением и эволюцией политических конфликтов в уральском регионе, позволяют осветить материалы партийных конференций, информационные отчеты, докладные записки, протоколы совещаний, пленумов, заседаний, циркулярные письма и постановления Уральского бюро ЦК и Уральского обкома РКП(б)-ВКП(б), губернских и окружных партийных комитетов Урала. Большинство этих доку-

ментов, составляющих третью группу архивных источников, выявлено в местных архивных хранилищах.

Кроме того, из фондов контрольных комиссий уральских архивов были привлечены листовки, письма и другие документы участников оппозиционных групп в большевистской партии, а также протоколы допросов свидетелей и «раскаявшихся» оппозиционеров. Сведения о политических настроениях в регионе автор почерпнул из информационных сводок и писем, направлявшихся органами ВЧК-ОГПУ в партийные структуры, а также документации, отложившейся в фонде НКВД (ГАРФ. Ф. 393).

К четвертой группе архивных источников относятся документы низовых большевистских организаций, без изучения которых вряд ли возможно оценить весь спектр настроений, проявившихся в ходе внутрипартийной борьбы, определить место рядового коммуниста в политических конфликтах, механизм манипулирования его мнением. Автором изучена документация ряда ячеек, районных и уездных большевистских организаций. Они позволили выяснить расстановку сил на различных этапах внутрипартийной борьбы и в различных организациях, описать скрытые и «полускрытые» формы недовольства коммунистов официальным курсом, зачастую более показательные, чем выступления с выдвиганием особой платформы.

Наконец, в пятую группу архивных источников включены документы уральских организаций меньшевиков, правых и левых эсеров, анархистов и других политических партий и течений, которые в той или иной форме участвовали в политической борьбе первых месяцев советской власти. К сожалению, материалы этой группы немногочисленны, как правило, не систематизированы и рассредоточены по многим фондам как центральных, так и местных архивов.

Для уточнения некоторых деталей и проведения сравнительного анализа автор обратился к документации архивов сопредельных регионов, в частности, Сибири.

В работе широко представлена периодическая печать, использование которой было особенно полезно в тех случаях, когда иные источники не сохранились либо представлены отрывочно, например, применительно к периоду 1917-1919 гг. Ряд сведений автор почерпнул из «Бюллетеня оппозиции», который после высылки из СССР выпускал за границей Л. Д. Троцкий, а также

из «Социалистического вестника» — издания меньшевиков — эмигрантов, регулярно информировавшего своих читателей о политических конфликтах в Советской России.

В качестве дополнения к уже названным источникам в работе использовались сборники документальных материалов, опубликованных в разные годы в центральных и уральских издательствах.

Определенную помощь в реконструкции политических конфликтов первого десятилетия советской власти оказали воспоминания современников, в том числе записанные автором. Сравнение их с другими свидетельствами позволяет описать внутренний мир участников конфликтов, мотивы, которыми они руководствовались в своих поступках, а нередко дополнить те или иные события существенными деталями.

В общей сложности диссертантом просмотрено более 5 тыс. архивных единиц хранения из 111 фондов 22 центральных и местных архивов, а также 88 периодических изданий, опубликованные и иные документы. Большинство использованных источников вводится в научный оборот впервые.

Во второй главе — «Политические конфликты в Уральском регионе на начальном этапе становления советской государственной системы» — рассматриваются межпартийные и внутрипартийные противоборства по вопросам организации советского государства, его международной и внутренней политики в первые месяцы после перехода власти к большевикам.

В работе характеризуются политические настроения на Урале осенью 1917 г. В целом они не отличались от общероссийских и во многом определялись возросшей популярностью среди рабочих и солдат большевистского лозунга «Вся власть Советам!», ориентированного на радикальное изменение всей системы власти и привлекавшего массы возможностью удовлетворения социальных нужд, обычно понимаемых как простое уравнительное перераспределение жизненных благ.

Наряду с усилением позиций большевиков, ускорилось размежевание в рядах умеренных социалистов, многие организации которых выступили с призывом образовать однородное социалистическое правительство. Автор обращает внимание на необходимость дифференцированного подхода в трактовке этого лозунга, реконструирует позиции его сторонников в зависимости от понимания ими природы и задач многопартийной социалисти-

ческой власти: 1) «просоветский» вариант (предлагался левыми меньшевиками и эсерами) – предполагал создание однородного социалистического правительства под эгидой Советов и в этом контексте разделялся умеренным крылом в РСДРП(б); 2) «анти-советский» вариант (предлагался меньшевистско-эсеровским центром) – отводил решающую роль в этом процессе иным общественным объединениям и институтам и ассоциировался в представлении большевиков, особенно их крайне радикального крыла, с продолжением курса на сотрудничество с буржуазией.

В работе подвергаются анализу предоктябрьские взгляды уральских большевиков на проблему сотрудничества социалистических партий в борьбе за советскую власть и осуществление радикальных преобразований. Приведенный материал не подтверждает мнение об изначальном стремлении РСДРП(б) создать однопартийное государство (Р. Пайпс), но не согласуется и с утверждением, что представление о монопольном положении большевистской партии в условиях диктатуры пролетариата сложилось позднее, в советское время (Е. Г. Гимпельсон). Точка зрения, сформулированная автором, учитывает как нарастающую в большевистской партии нетерпимость к возможным союзникам по революционной власти, так и затухавшие, но все еще сохранявшиеся надежды на компромисс с ними при определенных условиях.

Наиболее рельефно вторая тенденция проявилась в первые недели после октябрьского восстания в Петрограде, когда угроза гражданской войны стала вполне реальной и призывы к созданию однородной социалистической власти, воспринимавшиеся в общественном сознании с возможностью проведения революционных преобразований в относительно мирной форме, стали звучать все явственнее. Не исключали такой вариант выхода из кризиса и уральские большевики, чья реакция на события в столице отнюдь не всегда была единодушно-восторженной, как это традиционно представляется. Даже в Екатеринбурге, где большевистские позиции считались наиболее прочными, особый вес в эти дни приобрели сторонники умеренной тактики. Попытки сотрудничества с умеренными социалистами имели место в Перми, Уфе и т.д.

В то же время все они закончились неудачей, причины которой в уральской историографии обычно связывают с крахом пе-

реговоров об однородном социалистическом правительстве в центре. В работе показано, что, кроме «внешних» обстоятельств, важную роль сыграли и «внутренние» причины: поиски властных комбинаций, предпринятые как большевиками, так и их оппонентами носили импульсивный характер, отягощались отсутствием единой концепции многопартийной социалистической власти, сталкивались с противодействием противников сотрудничества, давлением агрессивно настроенных масс рабочего класса и разлагавшейся армии.

Одна из главных сюжетных линий работы посвящена характеристике конфликтов по вопросам войны и мира в период Бреста. Проанализировав позиции политических группировок в большевистских организациях Урала, автор отмечает, что программа «революционной войны» и установления коммунистического режима в Западной Европе, с которой выступали левые коммунисты, не только не была левее выдвигавшейся до начала 1918 г. В. И. Лениным, но и не расходилась с ней. Это обеспечивало левым, по крайней мере вначале, поддержку радикально настроенных «низов» и придавало их борьбе куда более широкий характер, чем полагают некоторые исследователи (например, С. Коэн, оценивающий левый коммунизм как исключительно «московское движение»).

В пользу такого утверждения говорят, в частности, результаты опроса местных Советов, проведенного СНК в преддверии подписания Брестского договора. На Урале они оказались следующими: из 70 Советов, чью позицию удалось установить, 24 высказались за мир и 46 – выступили против. Против договора выступили Ассоциация анархистов Урала и II Уральская областная конференция ПЛСР. Сторонники «революционной войны» преобладали в большевистских организациях (из 28 выявленных нами резолюций, принятых до VII съезда РКП(б), 7 соглашались принять немецкие условия и 21 отвергала их).

Однако по мере того, как советская власть демонстрировала неспособность организовать «революционную войну», наблюдается сокращение сторонников левых. Изменениям в соотношении сил способствовали также коррективы в тактике ленинцев, опасавшихся, как и их оппоненты, раскола партии: вместо призывов к миру на любых условиях акцентируется внимание на требовании «передышки», необходимой для подготовки «революционной вой-

ны» в будущем; берется под защиту «средняя» линия Л. Д. Троцкого, превращающаяся в своеобразный канал, по которому идет «перекачка» сил из числа сторонников немедленной «революционной войны» в лагерь ее противников и т. д. Некоторые новые моменты появляются и в тактике левых эсеров.

Тем не менее и после IV Всероссийского съезда Советов, ратифицировавшего Брестский договор, позиции его противников на Урале оставались значительными: из известных нам 35 резолюций, принятых после съезда, 13 солидаризировались с решениями съезда безоговорочно, еще 13 – при условии начала «революционной войны» в ближайшем будущем и 9 – категорически отвергали. Такая расстановка сил свидетельствовала, что леворадикальная оппозиция являла собой не колебания некоторых «молодых неопытных работников» и выступала не «вопреки требованиям масс» (Ф. П. Быстрых, Д. В. Ознобишин и др.), а отражала мощный пласт общественных настроений, носители которых были опьянены ненавистью ко всему «буржуазному», сочетая ее как с эмоциональной приверженностью идеалам Октября, так и с убеждением, что европейская революция неизбежна и без нее большевистский режим долго продержаться не сможет.

В этом контексте автор обращается к предложениям меньшевиков и правых эсеров Урала, призывавших, несмотря на преследования, к сохранению Восточного фронта и ориентации на Антанту. Мы не исключаем, что такая перспектива действительно могла привести страну к благоприятному для нее исходу войны. В то же время следование этим курсом неизбежно означало сохранение военной конфронтации с государствами Четверного союза, а следовательно, должно было заставить большевиков пойти на непопулярные меры, что, безусловно, усугубило бы и без того нелегкое положение «низов», подтверждая, что «простого» выхода из мировой войны, скорее всего, не существовало в принципе.

Характеризуя последствия Брестского мира, автор отмечает, что он позволил большевикам высвободить силы для борьбы с противниками советской власти внутри страны. В этой связи вряд ли можно согласиться с мнением Ю. Г. Фельштинского, что «ленинская политика «передышки»... не дала положительных для революционеров результатов» и В. И. Ленин «завел революцию в болото». Более взвешенной видится нам точка зрения А. В. Пан-

цова, характеризующего договор с Германией как «серьезный маневр Ленина» без отказа от курса на подготовку мировой революции. К этому замечанию следует, однако, добавить: чтобы продержаться до «спасительной» мировой революции большевикам следовало либо встать на путь компромиссов на «внутреннем фронте», либо усилить борьбу со своими оппонентами с неминуемой перспективой эволюции советского режима к тоталитаризму. Однако возможность этого выбора была во многом предопределена как всей послеоктябрьской практикой большевизма, так и безусловным отрицанием «абстрактной» демократии, присущей двум его флангам – ленинскому и левокоммунистическому.

Значительное внимание в работе уделяется исследованию конфликтов по вопросам хозяйственной политики, обострившимся весной 1918 г., когда рухнули надежды на помощь социалистической Европы и стало очевидным, что вырвать страну из когтей разрухи без решительных изменений в сфере экономики не удастся. Проанализировав полемику между ленинцами, левыми коммунистами и левыми эсерами как в центре, так и на Урале, автор приходит к выводу, что ее участники не сумели выработать программу, которая соотносила бы социалистический идеал с объективными реалиями, соединила материальные интересы работника и государства, помогла бы преодолеть отчуждение трудящихся от средств производства и приостановить неблагоприятные тенденции в экономической жизни.

В этих условиях наблюдается дальнейшее нарастание противоречий между большевиками и левыми эсерами, которые неуклонно оттесняются на периферию «большой» политики, а затем уходят в подполье. Как следствие, наметившаяся в предшествующие месяцы «партизация» власти вступает в новую фазу, перерастая в диктатуру большевистской партии. Параллельно происходит отход от прямого народовластия и производственной демократии, декларировавшихся Октябрьской революцией. На этом фоне усиливается действие конфликтогенных факторов, а политические методы разрешения общественных проблем вытесняются военными.

В третьей главе диссертации — «Эволюция политических конфликтов на Урале в период гражданской войны» — характеризуются специфика и содержание политических конфликтов в регионе в обстановке гражданской войны, причины их обостре-

ния в условиях кризиса военного коммунизма, дискуссия о профсоюзах.

В условиях военного времени и монопартийной диктатуры обсуждение главных вопросов политической жизни почти полностью ограничивается рамками правящей партии и оказывается в прямой зависимости от протекающих в ней процессов. Проанализировав положение в большевистских организациях Урала, автор обращает внимание на новые тенденции в их жизни: по мере осознания, что «вхождение в коммунизм» не приносит долгожданного облегчения, а коридоры власти, даже расширившись, не могут вместить всех желающих, в настроениях партийных «низов» происходит перелом и политическая активность постепенно сменяется апатией.

В этой обстановке РКП(б) все в большей мере находит себе социальную опору в лице партийно-советской верхушки, которая выдвигает из своей среды идеологов и защитников складывающихся порядков, но постепенно превращается в замкнутую корпорацию. В результате происходит формализация партийного единства, нарастают бюрократизация и олигархизация власти, вызывавшие сопротивление наиболее ортодоксально настроенных коммунистов.

Первый крупный конфликт на этой почве был связан с образованием военной оппозиции, выступившей с критикой руководства партии по вопросам строительства регулярной Красной Армии и использования военных специалистов. В работе проводится сравнительный анализ взглядов участников конфликта, высказывается мнение, что традиционное представление о военной оппозиции как об однородном течении нуждается в коррективах, предлагается выделять в ней два фланга: радикальный, требовавший полного отказа от привлечения бывших офицеров к строительству Красной Армии и сохранения автономных полупартизанских формирований, и умеренный, признававший необходимость использования военных специалистов, но в качестве консультантов или без предоставления права единоначалия. Исследование этих сюжетов на материалах Урала показывает, что под влиянием целого ряда факторов (нарастающая военная опасность, давление со стороны ЦК РКП(б) и др.) процесс расслоения военной оппозиции нарастает, сопровождаясь ослаблением позиций радикального крыла и усилением умеренного флан-

га, постепенно сближавшегося с официальной линией, которая в свою очередь радикализуется.

Данное обстоятельство во многом объясняет позицию В. И. Ленина на VIII съезде РКП(б), когда он, солидаризировавшись с отражавшими официальную точку зрения тезисами Л. Д. Троцкого, не только не пошел на разрыв с его оппонентами, но даже поддержал некоторые их требования, которые были включены в резолюцию съезда по военному вопросу. В целом анализ этого документа, компромиссного по содержанию, не позволяет согласиться с доминирующим в историографии представлением, будто VIII съезд РКП(б) отклонил предложения военной оппозиции как несовместимые с политикой партии.

В то же время уступки оппонентам, с помощью которых пытались регулировать и некоторые другие конфликты, обычно касались второстепенных вопросов и не могли заглушить недовольство, возникавшее на почве объективных противоречий советской политической системы. Более того, если вначале оно носило, главным образом, верхушечный характер, то в 1919-1920 гг. распространяется на средние и даже нижние этажи партии. Нараставший антагонизм приобретал самые разнообразные формы, выливаясь в борьбу одних руководящих групп против других (Пермская губ.), коммунистов-рабочих против «интеллигентского» элемента в организациях (Екатеринбургская, Пермская, Тюменская губ.) и т.д.

Особенно широкое распространение получили конфликты между рядовыми коммунистами, недовольными бюрократической централизацией, и местными партийными руководителями, вылившиеся осенью 1920 г. в так называемую дискуссию о «верхах» и «низах». Толчком к ней послужили решения IX Всероссийской конференции РКП(б), декларировавшие необходимость демократизации внутрипартийного режима, сближения «верхов» и «низов», но оказавшиеся не выполненными.

Пытаясь объяснить происшедшую метаморфозу, многие оппоненты ЦК связывали ее с сопротивлением партийных «верхов»

В известной мере такая точка зрения не лишена оснований. В то же время фактический материал показывает, что консерватизм «верхов» разделялся и немалой частью партийных «низов», осознававших, что в условиях военного времени сохранение большевистской монополии на власть невозможно без жесточайшей

централизации. Таким образом, неудачная попытка перестройки внутрипартийных отношений осенью 1920 г. свидетельствовала об общем усилении антидемократической тенденции на всех этажах партийного здания, слабости реформаторского крыла, скованного общепартийной дисциплиной, разобщенного и оторванного от выжидающих «низов». В условиях, когда гражданская война близилась к завершению, а нараставший кризис военно-коммунистической системы предвещал неизбежную смену курса, это обстоятельство приобрело особое значение, лишая правящую партию политической гибкости.

Большую последовательность в оценке положения в стране проявили умеренные социалисты, малочисленные группы которых после разгрома колчаковщины на некоторое время вновь возобновили легальную работу на Урале. Фиксируя внимание на необходимости либерализации общеполитической и экономической жизни общества, они предлагали восстановить свободу печати и деятельности партий и организаций «трудящихся классов», упразднить ВЧК, отменить продрозверстку, денационализировать мелкую промышленность и мелкую торговлю. Однако эти призывы игнорировались, а на меньшевиков и эсеров обрушилась новая волна репрессий.

В полной мере тенденция к закреплению военно-коммунистических методов проявилась в принятой на IX съезде РКП(б) программе всеобщей милитаризации труда. Пронизанная бескомпромиссной логикой военного коммунизма, эта программа делала принуждение и казарму постоянным элементом политики и коренным образом меняла вектор развития общественных организаций, превращая их в придаток государственного аппарата.

На этой почве в руководящих органах профсоюзов зарождается оппозиция взятому курсу. В работе исследуется механизм возникновения «рабочей оппозиции» на Урале, показано, что если официальные структуры выступали за чрезвычайные, по преимуществу военные, методы борьбы с разрухой, то профессионалисты связывали перспективу возрождения экономики, если и не со сменой ориентиров в политике, то и не с ужесточением военно-коммунистической практики. Осенью 1920 г. эти различия приобрели особую актуальность, фокусируясь вокруг вопроса о роли и задачах профсоюзов.

В этой связи автор обращается к малоизвестным эпизодам, позволяющим детализировать процесс формирования конфликтующих групп в высших эшелонах власти и оценить их шаги по объединению своих сторонников в провинции вокруг определенных центров. Проведенное исследование позволило заключить: если группа В. И. Ленина – Г. Е. Зиновьева сумела решить эту задачу, то попытка их главных оппонентов, группы Л. Д. Троцкого, создать такую структуру на Урале, где программу «троцкистов» поддержали Уралбюро ЦК и Екатеринбургский губком РКП(б), закончились безрезультатно. В результате сторонники Л. Д. Троцкого, а также «рабочая оппозиция», децисты и другие действовали разрозненно и не сумели противостоять хорошо организованной ленинской фракции.

Проанализировав ход дискуссии на Урале, автор показывает, что в ленинской «платформе 10-ти» партийной массе прежде всего импонировали призыв к ослаблению милитаризации труда, требование осторожного подхода к огосударствлению профсоюзов, тезис о возрождении их защитной функции. В свою очередь оппоненты ленинцев воспринимали эту программу как недостаточно эффективную для вывода страны из экономического хаоса.

Для части коммунистов выбор позиции в дискуссии определялся личным отношением к тому или иному из партийных лидеров. В связи с этим нередко ставился вопрос об антибольшевистской позиции Л. Д. Троцкого до 1917 г., характеризуя не только общий уровень политической культуры в большевистской партии, но и ту роль, которую играла в ее жизни догматическая преданность идеологическим принципам, когда любое отступление от них рассматривалось как предательство рабочего класса и социализма.

Окончательные результаты дискуссии на Урале свидетельствуют о внушительной победе сторонников ленинской линии. Из 19 уездных партийных конференций, в повестке которых стоял вопрос о профсоюзах, на 16 была принята «платформа 10-ти» и лишь на 3 – программа Л. Д. Троцкого. Ленинскую позицию поддержали все губернские партийные конференции. Из 553 делегатов, участвовавших в их работе, за нее голосовали 457 (82,6%) человек, за Л. Д. Троцкого – 73 (13,2%), за «рабочую оппозицию» – 21 (3,8%) и за децистов – 2 (0,4%).

В ходе профсоюзной дискуссии остро был поставлен вопрос об угрозе раскола партии и в связи с этим необходимости укреп-

ления ее единства. Анализ выявленных автором 253 постановлений показывает, что этот тезис включили в свои резолюции 61 из 186 ячеек, 20 из 35 районных и городских партийных собраний и 24 из 32 уездных, городских и губернских конференций РКП(б) на Урале. Причем, если в январе число таких резолюций было еще сравнительно небольшим (21 из 93, т.е. 22,7%), то к концу дискуссии оно резко возрастает (84 из 160, т.е. 53,1%). Мотивация подобных решений обычно сводилась к необходимости прекращения разлагающих партию нетоварищеских приемов полемики (17 резолюций), опасениям, что дискуссия вызывает оживление «контрреволюционной меньшевистско-эсеровской пропаганды», находящей отклик среди населения (28 резолюций). В резолюциях, принимавшихся в последние полторы-две недели дискуссии, требование сомкнуть партийные ряды все чаще начинает связываться с серьезнейшей со времени революции внутренней угрозой режиму – ширящимися крестьянскими восстаниями, а затем и событиями в Кронштадте (21 резолюция).

Таким образом, если накануне профсоюзной дискуссии наиболее острым аспектом внутривнутрипартийных отношений считалась проблема «верхов» и «низов», то теперь на первый план был выдвинут тезис об угрозе фракционности. Такое смещение акцентов устраивало не только партийную элиту, которая, сохранив себя в качестве привилегированной касты, добивалась расширения возможностей дисциплинарного воздействия на рядовых коммунистов, но и основную массу простых членов РКП(б), опасавшихся, что в условиях всеобщего недовольства большевистским режимом разногласия и группировки в партии приведут к ослаблению ее позиций и утрате контроля над политической ситуацией в стране.

В четвертой главе – «Политические конфликты в условиях режима фракционной диктатуры в уральских организациях РКП(б)» — рассматриваются особенности и сущность сложившегося после X съезда РКП(б) внутривнутрипартийного режима, конфликты, сопровождавшие его становление, содержание и механизмы борьбы с «троцкизмом» в дискуссии конца 1923 – начала 1924 гг. и кампании против «Уроков Октября».

В работе показано, что режим, установившийся в большевистской партии после X съезда РКП(б), объективно обладал основными признаками фракционной диктатуры (концентрация вла-

сти в руках доминирующей группировки, изоляция или отстранение от ключевых постов ее оппонентов, преследование их за инакомыслие и др.), утверждение которой сопровождалось многочисленными перемещениями в руководящих партийных органах на местах.

На Урале они прежде всего коснулись Уралбюро ЦК РКП(б), из состава которого в течение 1921 г. были выведены все лица, выступавшие в профсоюзной дискуссии против ленинской платформы. Каждый раз такие перестановки приводили к конфликтам между Секретариатом ЦК, ведавшим расстановкой партийных кадров, и той частью Уралбюро, сторонники которой отстранялись от работы на Урале. Так, летом 1921 г. возникло «дело» В. А. Воробьева, затем «дела» С. В. Мрачковского и Н. И. Уфимцева. В начале 1922 г. с поста секретаря Уралбюро ЦК был смещен один из руководителей децистов Т. В. Сапронов, направленный за несколько месяцев до этого на «исправление» в Екатеринбург.

Одновременно изменяются назначение и функции Уралбюро. Из органа, координирующего работу губернских парторганизаций края и не вмешивающегося в их повседневную деятельность, оно превращается в контролирующую инстанцию, назначаемую ЦК РКП(б) и неподотчетную местам. Важнейшей прерогативой Уралбюро становится формирование нижестоящих партийных структур, прежде всего губернских комитетов партии. Последние, в свою очередь, определяли руководителей городских, уездных и районных парткомов. Назначенные сверху, они представляли особую секретарскую иерархию, обособленную от партии и подменявшую ее подобранным чиновничьим аппаратом.

В главе характеризуются скрытые и «полускрытые» формы недовольства внутрипартийным режимом, которые, выплескиваясь наружу, подавлялись. В этой связи автор обращается к деятельности Г. И. Мясникова в Мотовилихинской организации РКП(б) (Пермская губ.), характеризует круг его сторонников, взгляды, переписку с В. И. Лениным и другие вопросы. Отмечается, что предложения Г. И. Мясникова не выходили за пределы утвердившихся в партии представлений о необходимости диктатуры пролетариата и не вели к «глубокой демократизации страны» (Ю. Голанд). Вместе с тем, если большевистское руководство отождествляло диктатуру пролетариата с диктатурой партии, то, с точки зрения Г. И. Мясникова, движение к социализму тре-

бовало смягчения партийного диктата и перенесения центра политической жизни в «низы» общества.

В работе приводятся сведения о других конфликтах, связанных с выступлениями «рабочей оппозиции» на Урале, анализируется «экспансия» Секретариата ЦК, усилившаяся после назначения генеральным секретарем И. В. Сталина. Автор полагает, что В. И. Ленин, подметив вскоре нелояльность генсека, так и не осознал совпадение его индивидуальных качеств с сутью созданного им же самим режима, сориентированного на борьбу с «фракционерами». Эта опасность, показано в диссертации, не ощущалась и партией в целом.

Широкий круг вопросов анализируется автором при характеристике причин и начального этапа дискуссии конца 1923 – начала 1924 гг.: расстановка сил в большевистском руководстве, цели и тактика противостоящих сторон, разногласия в «тройке», оценка резолюции Политбюро ЦК и Президиума ЦКК «О партстроительстве», признававшей нарастание партийного бюрократизма, и др.

С самого начала дискуссии на Урале инициатива в ней принадлежала партийным «верхам» и аппарату, сумевшим локализовать вспышки недовольства «низов», изолировать оппозиционное меньшинство, представив его в качестве фракционной группировки, отошедшей от ленинизма. В этих условиях партийная масса единодушно высказывалась против легализации фракций и группировок и связывала переход к демократии в РКП(б) с косметическими изменениями в сфере внутрипартийных отношений при сохранении сложившихся аппаратных методов руководства.

Вместе с тем выявилось и другое: обсуждение резолюции «О партстроительстве» не могло заглушить скептицизм и недоверие рядовых коммунистов, не забывших о судьбе других подобных решений. Особенно отчетливо эти настроения стали проявляться после того, как руководство партии начало политико-идеологическую кампанию против «Нового курса» Л. Д. Троцкого. Резкие выпады против одного из «выдающихся вождей современного ЦК» (В. И. Ленин) вызывали у рядовых коммунистов чувство незащищенности перед партийной машиной и опасения, что с остатками внутрипартийной демократии будет покончено полностью.

Наибольшую поддержку оппозиция получила в Челябинском округе, где, как нигде на Урале, обсуждение дискуссионных материалов сфокусировалось на вопросе об опасности аппаратного бюрократизма. Из 36 резолюций, принятых здесь, лишь 6 поддерживали большинство ЦК РКП(б). Выдвигавшиеся в них предложения представляли определенный интерес и при условии их реализации в той или иной мере способствовали бы демократизации внутрипартийных отношений. В то же время ни одно из них не затрагивало основ большевистского режима и не выходило за пределы утвердившихся представлений о необходимости диктатуры партии.

С этой точки зрения противники оппозиции были более последовательными, акцентируя внимание на том, что призывы к подчинению аппарата и расширению демократии в партии не совместимы как с монопартийной диктатурой, которая рассматривалась в качестве решающего условия социалистического строительства, так и с запретом на фракции и группировки, в котором виделось универсальное средство от раскола.

Оппозиционные настроения доминировали в Челябинской организации, по крайней мере, до середины апреля 1924 г. Отказываясь от оппозиции, одни коммунисты делали это осознанно, другие – подчиняясь партийной дисциплине, третьи – под давлением сверху. Многие из них воспринимали поражение как личную трагедию, «уходили в себя», превращаясь в обособленную группу без сколь-либо значительной поддержки масс.

Наряду с проблемами партийного строительства, в некоторых уральских организациях обсуждались и вопросы экономической политики. Однако они оказались на периферии дискуссии. Причины этого видятся в следующем:

1. На Урале начало обсуждения хозяйственных проблем совпало с заключительным этапом дискуссии, когда партаппарат взял курс на ее прекращение. Опасаясь, что обсуждение экономических вопросов спровоцирует новую волну споров, партийные комитеты не проявляли активности в этом направлении и, если и не препятствовали вспыхивающей кое-где полемике, то и не приветствовали ее.

2. Подавляющее большинство рядовых коммунистов крайне слабо ориентировалось в вопросах хозяйственной политики, было экономически неграмотно. Поэтому даже там, где дискуссия ини-

цировалась сверху, она оказывалась малорезультативной и носила формальный характер.

3. В условиях, когда партийные «верхи» не хотели, а «низы» не могли участвовать в обсуждении хозяйственных проблем, особенно ярко выявилась противоречивость позиции самой оппозиции и ее сторонников на Урале, не сумевших (точнее: не пожелавших) заострить внимание на тех явлениях реальной жизни (низкий жизненный уровень населения, безработица, задержки с выплатой зарплаты и т.п.), обсуждение которых, с одной стороны, могло бы заинтересовать широкие массы коммунистов и беспартийных, но, с другой — наверняка вызвало бы у них нежелательные сравнения и даже сомнения в правильности курса на социализм. В результате стирались различия в подходах сторонников ЦК и оппозиции, а критические выпады последних воспринимались партийной массой как критиканство.

Таким образом, на Урале дискуссия закончилась поражением оппозиции. По расчетам автора, она получила поддержку (без Челябинского округа) лишь в 11 ячейках, на 6 районных и одном кустовом собраниях, а также на одном собрании комсомольского актива. Включая Челябинскую окружную организацию РКП(б), за оппозицию голосовали около 1-1,2 тыс. членов партии, что составляет 10-12% участников дискуссионных собраний (дискуссия охватила около трети коммунистов).

В работе характеризуются последующие шаги «тройки» по укреплению своих позиций. Отмечается, что выступление Л. Д. Троцкого со статьей «Уроки Октября» и развернувшаяся вокруг нее кампания отразили как стремление сторон дискредитировать друг друга, так и серьезный кризис большевистской идеологии, многие фундаментальные положения которой оказались в противоречии с реальной практикой.

На Урале кампания против «Уроков Октября» проходила под жестким контролем партаппарата: не было ораторов, представляющих противоположную точку зрения, отсутствовал свободный обмен мнениями, не проводилось голосования по платформам. Резолюции против «троцкизма», как правило, принимались единогласно.

В то же время автор не склонен объяснять эти результаты исключительно давлением аппарата. Не меньшую роль сыграли и настроения коммунистов, увидевших в теории построения со-

циализма в одной стране, с которой выступала сталинская фракция, возможность упрочить свое положение и избежать потрясений, которыми, как утверждали оппоненты Л.Д. Троцкого, угрожала его теория перманентной революции. Кроме того, в обстановке, когда дискуссии по спорным вопросам сосредоточивались в высших инстанциях, многие коммунисты отказывались от активного поиска истины и ориентировались на наиболее проработанный вариант решения, который исходил от аппарата. Для «троцкистов», не имеющих поддержки партийных структур, такая зависимость была «смерти подобна» и лишала их возможности влиять на партийное сознание.

В пятой главе — «Политическая оппозиция сталинскому авторитаризму на Урале» — рассматривается круг вопросов, связанных с образованием и деятельностью новой и объединенной оппозиции в региональных организациях РКП(б) — ВКП(б), их противостоянием сталинизму, причинами и последствиями поражения.

Заключительный акт борьбы против Л. Д. Троцкого совпал с новой вспышкой внутрипартийных противоречий, главными действующими лицами которых на этот раз стали вчерашние триумвиры — с одной стороны, И. В. Сталин, а, с другой — Г. Е. Зиновьев и Л. Б. Каменев. Конфликт между ними назревал подспудно и отражал как конъюнктурный характер самой «тройки», созданной в противовес Л. Д. Троцкому и утратившей былое единство по мере отстранения последнего от рычагов власти, так и различия в подходах к определению политической стратегии партии на ближайший период. В условиях ограничения свободы дискуссий это противостояние неизбежно приобретало конфронтационный характер, выливаясь в нарастающий ряд стычек на вершине партийной пирамиды и поиски союзников на ближайших уровнях партийной олигархии.

Высшие руководители Урала были вовлечены в эту борьбу уже в январе 1925 г. В работе раскрывается содержание конфликта между ними, который привел к смещению первого секретаря Уралобкома РКП(б) М. М. Харитонов, ориентировавшегося на Г.Е. Зиновьева. Как следствие, расстановка сил в руководящих парторганах региона принципиально изменилась, и на всех последующих этапах борьбы они неизменно поддерживали И. В. Сталина.

Значительное внимание автор уделяет анализу политических позиций участников конфликта, характеризует их взгляды по вопросам хозяйственной и международной политики, внутрипартийной жизни. Отмечается, что объективно новая оппозиция отражала интересы тех слоев общества, которые были выброшены на поверхность в эпоху октябрьских бурь и с тревогой следили за хозяйственными процессами в условиях нэпа, ростом влияния наиболее зажиточных групп деревни, вызывавших у них ассоциации с развязыванием капиталистических отношений и термидором. Аккумулируя эти настроения, оппозиция атаковала господствующую фракцию с леворадикальных позиций: вновь актуализировала тезис о мировой революции, характеризовала отечественную промышленность как государственно-капиталистическую, требовала нанести удар по укладу, преуменьшающему темпы дифференциации в деревне, резко увеличить пролетарское ядро в партии и т.д. Подразумевалось, что изменение партийного курса предполагает смещение И. В. Сталина.

Противостояние двух группировок достигло апогея накануне XIV съезда ВКП(б). Однако на Урале оно затронуло лишь узкую часть региональной элиты, не поддержавшей новую оппозицию и предопределившей линию поведения всей партийной организации. Кроме того, победа сталинцев имеет и социологическое объяснение. В середине 1920-х гг., когда политическая ситуация в стране стабилизировалась, большевистская партия уже не чувствовала себя в опасности, как это было в первые годы советской власти. На этом фоне в партийном сознании господствовали настроения осторожного оптимизма относительно перспектив внутренней политики. Именно такая ситуация благоприятствовала И. В. Сталину, предлагавшему оптимистическую платформу социалистического строительства в одной стране и в меньшей мере апеллировавшему к чувству политической опасности.

В то же время «проработка» решений съезда на Урале показывает, что партийные «низы», не искушенные в теоретических спорах «вождей», так и не сумели осознать конкретное содержание разногласий. Среди вопросов, заводивших их в тупик, наибольшее недоумение вызвал тезис о построении социализма в одной стране (воспринимался как абстрактный, не имеющий практического значения), характеристика государственной промышленности как социалистической (воспринималась как излишне оптимис-

тическая и несоответствующая реальному положению рабочих, недовольных низкой зарплатой и отстраненных от процесса управления производством), преуменьшение масштабов дифференциации и «кулацкой опасности» в деревне (воспринималось как уступка сельской буржуазии и забвение бедноты) и т.д.

Тем не менее резолюции в поддержку сталинского большинства были приняты всеми партоганизациями края без исключения, а число коммунистов, поддержавших новую оппозицию оказалось ничтожно малым, 22 человека.

Выступления новой оппозиции вызвали разноречивую реакцию среди лидеров «троцкистской» оппозиции 1923-1924 гг. Однако если они и задумывались о тех или иных планах на будущее и под этим углом пытались оценить как своих противников, так и возможных союзников, то основная масса бывших рядовых «троцкистов» была настолько деморализована после неудачной схватки со сталинским аппаратом, что «ушла в себя» и не помышляла о продолжении борьбы. Проделанный автором анализ биографий участников объединенной оппозиции 1926-1927 гг. на Урале показывает, что только 19% из них выступали в дискуссии 1923-1924 гг. на стороне Л. Д. Троцкого, а остальные были оппозиционерами «нового призыва».

В этом смысле оппозиция 1926-1927 гг. на Урале являлась объединенной скорее физиономиями своих вождей, чем составом ее участников, иллюстрируя, с одной стороны, огромную мощь аппаратной системы, подавлявшей партийные «низы» и беспощадно отсекавшей их от оппозиционной верхушки, а с другой — перманентные вспышки недовольства в партии, вновь и вновь порождавшие всплески оппозиционного брожения.

В главе анализируются причины сближения двух группировок, зиновьевской и «троцкистской», выявляется общее и особенное в позициях господствующей фракции и ее противников. Автор отходит от однозначно негативной оценки предложений объединенной оппозиции по хозяйственным вопросам, отмечает, что в целом она правильно определила ближайшие перспективы сталинского правления.

Исследование приемов, использовавшихся властью в борьбе с идеями оппозиции, показывает, что главным из них был метод дискредитации. С этой целью партийные органы Урала организовали серию пропагандистских кампаний (против «сверхиндуст-

риализаторов» — апрель-май 1926 г.; по «проработке» решений июльского пленума ЦК — июль-сентябрь 1926 г.; по «проработке» решений XV конференции ВКП(б) — октябрь-декабрь 1926 г. и др.), собирали информацию о настроениях коммунистов, направлявшуюся в Секретариат ЦК, который составлял обобщающие информационные обзоры для партийной элиты и давал рекомендации. Судя по тому, что целый ряд исходящих от Секретариата предложений иллюстрировался примерами Урала, высшее руководство ВКП(б) позитивно оценивало методы мобилизации партийных «низов» на борьбу с оппозицией, которые применялись в регионе.

В работе дается обобщенный портрет рядового оппозиционера, отличающийся от образа как представителя «партийной аристократии», присвоившей себе многочисленные привилегии, так и типичного рядового коммуниста, задавленного материальными и бытовыми проблемами и задумывавшегося о том, что пора «пожить и для себя».

В то же время эти различия не мешали многим рядовым участникам оппозиции оставаться «детьми своей партии», пополнявшейся главным образом, за счет неподготовленных в идейно-теоретическом отношении рабочих и крестьян. Они не ощущали потребности в изучении работ своих лидеров, а глубина и убедительность политических и идеологических аргументов нередко не имела для них никакого значения в сравнении с личной интуицией или культом непогрешимости своих вождей.

Не имея устойчивых политических взглядов и под влиянием поражений, такие участники оппозиции сравнительно легко меняли свои ориентиры, отказывались от вчерашних кумиров и поддерживали новых, также претендовавших на выражение воли всей партии. В большей мере подобные кульбиты характеризовали оппозиционеров-рабочих, составивших основную часть тех элементов оппозиции, которые после каждой неудачи подавали заявление о прекращении «антипартийной работы». Напротив, оппозиционеры-служащие или студенты, имевшие более или менее устойчивые представления о внутрипартийных разногласиях, значительно реже каялись в «ошибках» и, как правило, отстаивали свои взгляды до конца.

Проанализировав деятельность оппозиционных групп на Урале, автор обращает внимание на ее волнообразный характер, что

во многом объясняется политическим поведением лидеров оппозиции. Когда их активность возрастала (июль-октябрь 1926 г.; май-декабрь 1927 г.) — численность сторонников оппозиции в регионе увеличивалась (лето 1926 г. — ок. 100 человек; осень 1927 г. — 184), когда падала (ноябрь 1926 — апрель 1927 гг.) — сокращалась (ноябрь 1926 г. — 50 человек; декабрь 1926 г. — 15). Наибольших масштабов работа уральской оппозиции достигла во второй половине 1927 г. По подсчетам автора, в это время ее выступления были зарегистрированы в 29 городах и рабочих поселках, тогда как в октябре 1926 г. — в девяти, а весной 1927 г. — в шести.

Вместе с тем связи между оппозиционными группами нашли эпизодический характер, а с лидерами оппозиции — случайный. Многие из этих групп находились в поле зрения парторганов, получавших информацию от ГПУ, подвергались репрессиям и нередко вскоре распадались. К тому же немалая часть оппозиции не рассталась с надеждами на мирное урегулирование конфликта и тормозила процесс ее обособления.

Борьба двух фракций достигла кульминации в период дискуссии накануне XV съезда ВКП(б). На Урале, как и по всей стране, она проходила после продолжавшейся в течение полутора лет кампании травли оппозиционеров. За это время был создан миф об оппозиции как горстке отщепенцев, вставших на путь сотрудничества с контрреволюцией. Отсюда бескомпромиссность принятых в ходе дискуссии резолюций, клеймивших оппозицию как «изменников» и «предателей» и обычно заканчивавшихся призывом изгнать их из «ленинской партии», не дожидаясь съезда.

С предсъездовской дискуссией был связан новый виток репрессий против сторонников оппозиционного блока. Их исключали из партии, запрещали выступать на партсобраниях и не допускали на них. Лишенные возможности оповестить коммунистов о действительном содержании своих взглядов, оппозиционеры вынуждены были использовать нелегальные формы информации, беседовали с колеблющимися. Однако эффективность этой работы обычно оказывалась невысокой как из-за острого недостатка пропагандистских материалов, так и из-за нежелания коммунистов иметь что-либо общее с «раскольниками». В результате оппозиция так и не сумела начать диалог с партией и ее платформа воспринималась в том виде, в каком преподносилась официальной

пропагандой. Поэтому требование оппозиции повысить зарплату или улучшить жизненные условия рабочих ассоциировалось в сознании коммунистов с демагогией, увеличение налогов на зажиточную часть деревни – с продразверсткой, восстановление внутрипартийной демократии – с фракционностью и т.д.

В эти дни особенно рельефно выявились слабости оппозиционного движения. Главные из них заключались в следующем.

1. Оппозиция 1926-1927 гг., хотя и сделала шаги в направлении организационного самоопределения, так и не прошла этот путь до конца. Процесс консолидации ее сил охватил лишь «вершину айсберга» и едва затронул оппозиционные «низы», не говоря уже о колеблющихся элементах партии и потенциальных союзниках за ее пределами. Оппозиция не сумела наладить устойчивые вертикальные и горизонтальные связи между своими сторонниками и по своей внутренней организации не могла даже сравниться с отлаженной партийно-государственной машиной, обслуживавшей сталинскую фракцию.

2. Объединенная оппозиция не решилась апеллировать к массам рабочего класса и тем более другим слоям общества, не без оснований опасаясь, что прямой призыв к народу вызовет кризис большевистской диктатуры. В результате создавалась стена непонимания между оппозицией и населением, попытки преодолеть которую неизбежно заканчивались неудачей.

3. Не решаясь «сжечь мосты», соединявшие ее с партией, оппозиция избрала оборонительную тактику борьбы и долгое время пыталась действовать в рамках партийной легальности, цепляясь из последних сил за сталинскую партаппарат, подавая заявления, участвуя в переговорах о компромиссах, требуя дискуссии. Запоздалые и робкие попытки использования наступательной тактики и нелегальных форм, как правило, носили вынужденный характер и не вписывались в рамки однопартийной диктатуры.

В заключении диссертации подводятся основные итоги исследования, формулируются обобщающие выводы.

Политические процессы, охватившие Советскую Россию в первое послеоктябрьское десятилетие, носили остро конфликтный характер, что обуславливалось глубиной накопившихся противоречий, вносящих в общественное сознание перманентную несбалансированность; отсутствием механизма цивилизован-

ного воздействия общества на власть, разрывом между ними; стратегической линией правящей большевистской элиты, отвергавшей идею политического плюрализма; ответной непримиримостью, противостоящих ей группировок.

Проделанное исследование приводит к выводу, что конфликты в сфере политики первого десятилетия советской власти носили многоплановый характер и были связаны с многоаспектностью внутрироссийских процессов. Это в свою очередь указывает на ограниченность классового подхода при анализе противостояния политических сил в Советской России, разворачивавшегося на основе дифференциации и перекрещивания различных полей и уровней политического пространства.

Данное обстоятельство отразилось на всех политических конфликтах 1917-1927 гг., когда каждая из соперничавших сторон, аккумулировав частицу общественных интересов, так и не смогла стать выразителем интересов всего населения, настроения которого были куда более разнородными. В результате пропасть, разделявшая победителей и общество, сохранялась, а конфликт между ними приобретал лишь новые формы и окраску.

Анализ политических конфликтов позволяет выделить несколько этапов, характеризующих их эволюцию в первые десять лет советской власти.

Первый этап охватывает период с октября 1917 г. по весну 1918 г. В эти месяцы перед большевистским режимом встал ряд острейших проблем, от решения которых во многом зависели судьбы революционной диктатуры. Главная из них была связана с формированием новых властных структур. Проведенное исследование позволило сделать вывод: как в «верхах», так и «низах» большевистской партии нарастали нетерпимость к возможным союзникам по революционной власти и ослаблялась, а затем и оборвалась, тенденция к компромиссу с ними. Неизбежным следствием этого стала большевистская монополизация власти, лишившая партию внутреннего динамизма. Состоявшаяся в это время дискуссия о Брестском мире была дуалистической по своему характеру. С одной стороны, она впервые в истории России предоставила общественным «низам», пусть и гипотетическую, возможность высказать свое отношение по одной из самых злободневных проблем. С другой — из числа субъектов дискуссии с самого начала были исключены «буржуазные» партии и организации, а

участие в ней умеренных социалистов существенно ограничивалось. Как следствие, дискуссия не только не привела российское общество к консолидации, а, наоборот, еще более усугубила его раскол.

Бескомпромиссность и нежелание идти на уступки были характерны и для оппонентов большевизма, включая меньшевиков и правых эсеров. В этом убеждает их позиция по вопросу об организации многопартийной социалистической власти, попытки создания которой на Урале довольно быстро завершились провалом, причем не только по вине местных большевиков.

На втором этапе (май 1918–март 1921 гг.) динамика политических конфликтов существенно меняется. В условиях гражданской войны политические противники большевизма почти полностью вытесняются из поля политики. Одновременно в правящей партии нарастает процесс «расслоения», сопровождающийся укреплением позиций «партийной аристократии», падением роли «низов», обострением внутренних конфликтов.

Дискуссия о профсоюзах, завершившая данный этап, с одной стороны, «выпустила накопившийся пар», с другой – была воспринята как источник серьезной опасности политическому режиму и привела на X съезде РКП(б) к важным переменам в высших органах партии, ориентированным на укрепление позиций ленинской группы и отстранение или сужение полномочий ее оппонентов. Новая властная конфигурация нарушила относительное равновесие в правящей партии и вызвала серию острых конфликтов, составляющих третий этап предлагаемой периодизации. Он охватывает время с марта 1921 по 1924 гг. и может быть разбит на два периода: март 1921–1922 гг. и 1923–1924 гг.

В рамках первого периода происходит дальнейшее нарастание аппаратных методов управления, в основном завершается формирование секретарской иерархии, независимой от местных организаций, и кристаллизация партийного чиновничества, превратившегося в замкнутую, самодавляющую группу. «Экспансия» партаппарата вызывает новые вспышки оппозиционного брожения под лозунгом восстановления внутривластной демократии. Однако пока они носят локальный характер и развиваются в латентных формах.

В рамках второго периода, связанного с отходом В. И. Ленина от активной политической деятельности, а затем и его смертью,

на партийном олимпе разворачивается борьба за ленинское наследство, которая привела к дискуссиям 1923–1924 гг. Основной их итог – изоляция Л. Д. Троцкого, как одного из реальных претендентов на политическое лидерство и главного оппонента режима фракционной диктатуры. Поражение «троцкистской» оппозиции продемонстрировало не только возросшую мощь партаппарата, отсекавшего оппозиционных вождей от рядовых коммунистов, но и направление эволюции революционного процесса в России, развивающегося от «чистых» октябрьских идей к «плодотворной реакции» (выражение Н. В. Устрялова).

Четвертый, заключительный, этап политических конфликтов, завершившийся массовыми репрессиями против участников объединенной оппозиции, приходится на 1925–1927 гг. Ему предшествовал распад господствовавшей фракции, созданной на конъюнктурной основе и в значительной мере выполнившей свое назначение. На смену ей пришел сталинский режим, исключавший саму возможность политических дискуссий и апелляцию враждебных ему сил к партийному общественному мнению. В это время в сознании рядовых коммунистов окончательно утвердился миф об оппозиции как горстке отщепенцев, порвавшей с партией и вставших на путь сотрудничества с контрреволюцией. Оказавшись во власти всемирно-исторического заблуждения, задавленные партийным аппаратом и опасавшиеся за судьбы монопартийной диктатуры, они были готовы отказаться от известной доли своих гражданских и политических прав и не смогли противостоять сталинской узурпации.

Анализ политических конфликтов первого десятилетия советской власти приводит к убеждению, что конфронтационное противоборство их участников в основном развивалось в русле стратегии «выигрыш-проигрыш», основными элементами которой были: восприятие конфликта на основе установки о неизбежности поражения одной из сторон, без чего выигрыш другой невозможен; стремление получить односторонние преимущества; направление энергии не на решение проблемы, а прежде всего друг против друга; нетерпимость по отношению к другим взглядам, игнорирование их возможного сходства; сокрытие или искажение сведений о существовании проблемы и неприятие информации, способствующей конструктивному разрешению противоречий.

Вместе с тем на разных направлениях политического поля и в разных временных рамках использование большевиками подобных приемов борьбы было неодинаковым: если в отношении антибольшевистской оппозиции они с самого начала применялись масштабно, то в отношении внутрипартийных группировок широкое обращение к ним стало постоянным элементом политической жизни лишь в 1920-е гг.

Почти все сколь-либо значительные оппозиции в большевистской партии после октября 1917 г. выступали под левыми лозунгами. В этом сказывалась реакция революционаризма «эпохи бурь и натиска» против действительного хода русской революции, против тактики непрерывного лавирования и маневрирования, которая навязывалась партии неумолимыми реалиями жизни. Программа этих оппозиций в конце концов сводилась к стремлению при помощи революционных методов изменить неблагоприятное соотношение общественных сил, разрубить мечом все нераспутывающиеся узлы российской действительности. В борьбе с такими оппозициями не мог не победить относительный практицизм, учитывающий сопротивление различных, главным образом крестьянских, слоев населения.

Однако разгромив последнюю, объединенную оппозицию И. В. Сталин и его окружение резко повернули руль партийной политики. Этот поворот показал, что у победителей, по существу, не было положительной программы, которая могла бы открыть новые перспективы в развитии страны. Ограниченный характер имели и другие проекты, реализованные в первое десятилетие советской власти. В сравнении с ними предложения, исходившие от оппозиционных движений, выступали как альтернативные. Вместе с тем они выдвигались исключительно в рамках существовавшей системы и не меняли ее сущностной характеристики. Эти альтернативы, таким образом, также несли в себе элемент ограниченности.

Кроме того, в заключении предлагаются некоторые рекомендации, вытекающие из исследования политических конфликтов первого десятилетия советской власти.

ОСНОВНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

1. Политические конфликты в первое десятилетие советской власти (на материалах Урала). Тюмень: Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 2000. 14,5 пл.

2. Очерки истории Тюменской области. Тюмень: Изд-во ИПП «Тюмень», 1994. 28,5 п.л. (в соавторстве с В. А. Даниловым, В. В. Коноваловым, Д. И. Копыловым и др.).

3. 400 лет Тюмени: Сб. док. и материалов. Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1985. 20 п.л. (в соавторстве с В. В. Коноваловым, Д. И. Копыловым и др.)

4. 400 лет Тобольску: Сб. док. и материалов. Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1987. 20,5 п.л. (в соавторстве с Д. И. Копыловым, Ю. П. Прибыльским и др.)

5. Борьба партийных организаций Урала против троцкизма при переходе от войны к мирному социалистическому строительству // Партийные организации Урала в борьбе за победу Октябрьской революции и осуществление ленинского плана социалистического строительства. Свердловск, 1976. 0,7 п.л.

6. Партийные организации Урала в борьбе против троцкистской ревизии ленинизма в конце 1924–начале 1925 гг. // Идеологическая работа партийных организаций в период строительства социализма и коммунизма. Тюмень, 1981. 0,5 п.л.

7. Уральская областная партийная организация в борьбе за идейное и организационное единство своих рядов в дискуссии 1923–начала 1924 гг. // Идеино-политическое и организационное укрепление партийных организаций в период строительства социализма и коммунизма. Тюмень, 1984. 0,5 п.л.

8. Тюменские коммунисты в дискуссии о профсоюзах // 400 лет Тюмени: история и современность. Тюмень, 1986. 0,2 п.л.

9. Из истории борьбы партийных организаций Сибири и Урала против троцкистско-зиновьевского блока в 1926 году // Классовая борьба в Сибири в переходный период. Тюмень, 1987. 0,5 п.л.

10. О соотношении партийных и оппозиционных сил на Урале в период дискуссии о Брестском мире // Великий Октябрь и социалистическое строительство на Урале и в Сибири в переходный период: проблемы историографии и источниковедения. Тюмень, 1987. 0,1 п.л.

11. Дискуссия о профсоюзах в Тюменской губернской партийной организации // Классовая борьба в Сибири в переходный период. Тюмень, 1987. 0,4 п.л.

12. В. И. Ленин и большевики Урала в дискуссии о Брестском мире // В. И. Ленин и социалистическое строительство на Урале. Свердловск, 1990. 0,1 п.л.

13. Брестский мир и большевистские организации Урала // История Советской России: новые идеи, суждения. Ч. I. Тюмень, 1991. 0,1 п.л.

14. Тюмень: вехи истории. Екатеринбург: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1994. 9 п.л. (2-е изд., доп. 1997. 10 п.л.)

15. О борьбе в ЦК РКП(б) на начальном этапе профсоюзной дискуссии // Тюменский исторический сборник. Тюмень, 1996. 0,7 п.л.
16. Дискуссия о профсоюзах на Урале // Вестник Тюмен. гос. ун-та. История. Вып. I. 1996. 0,9 п.л.
17. Важный документ по истории внутривластной борьбы // Архив и исследователь: сотрудничество в интересах настоящего и будущего. Тюмень, 1997. 0,2 п.л.
18. Комитет народной власти в Екатеринбурге в 1917 г. // Судьбы России: исторический опыт XX столетия. Екатеринбург, 1998. 0,2 п.л.
19. «Дело» Г. И. Мясникова // Вестник Тюмен. гос. ун-та. Вып. I. Тюмень, 1998. 0,6 п.л.
20. «Коммунистические либералы» и партийные консерваторы в дискуссии 1923–начала 1924 гг. на Урале // Тюменский исторический сборник. Вып. II. Тюмень, 1998. 0,8 п.л.
21. Оппозиция на Урале // Урал в прошлом и настоящем: Материалы Всероссийской научн. конф. Екатеринбург, 1998. 0,2 п.л.
22. К дискуссии о лозунге однородного социалистического правительства и попытках его реализации на Урале // Рубеж веков: проблемы методологии и историографии исторических исследований. Тюмень, 1999. 0,9 п.л.
23. Чужие среди своих: военная оппозиция на Восточном фронте // Вестник Тюмен. гос. ун-та. №2. Тюмень, 1999. 0,7 п.л.
24. Еще раз о попытках создания однородной социалистической власти на Урале в 1917 году // Тюменский исторический сборник. Вып. III. Тюмень, 1999. 0,6 п.л.
25. Брестские коллизии: противоборство политических сил Урала по вопросам войны и мира // Урал в панораме XX века: Материалы Всероссийской научн. конф. Екатеринбург, 2000. 0,2 п.л.
26. Об одной ошибке С.Козна // Тюменский исторический сборник. Вып. IV. Тюмень, 2000. 0,6 п.л.
27. В преддверии «коммунистического звездопада»: репрессии против участников внутривластных группировок на Урале в начале 1920-х годов // Историческая наука на пороге третьего тысячелетия. Тюмень, 2000. 0,2 п.л.
28. Была ли левокоммунистическая оппозиция только «московским движением»? // Политические партии, организации, движения в условиях кризисов, конфликтов и трансформаций общества: Сборник материалов международной научно-практической конф. Омск, 2000. 0,3 п.л.
29. Из истории политической борьбы на Урале осенью 1917 года // Проблемы экономической и социально-политической истории дореволюционной России. Тюмень, 2001. 0,9 п.л.

Составитель

В. М. Кружинов

ЛР 020405 от 14.05.97

Подписано в печать 21.09.2001. Тираж 100 экз.
Объем 2,4 уч.-изд. л. Формат 60x84/16. Заказ 420.

Издательство Тюменского государственного университета
625000, г. Тюмень, ул. Семакова, 10.

2-